

АЛЕКСАНДР ПАВЛЮКОВ

Невидимая грань пирамид

Александр Павлюков

Невидимая грань пирамид

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18011976

ISBN 9785447465100

Аннотация

Записки о поколении семидесятых, незаслуженно оказавшемся в тени знаменитых «шестидесятников». Они пошли в школу при Сталине, поступали в вузы при Хрущеве и начинали трудиться при Брежневе. На их долю выпали Куба, Алжир, Ирак, Вьетнам, Сирия, Афганистан. И Египет. Впервые после мая 1945 года столько молодых людей увидели мир за пределами советских границ. Еще несколько лет, и некому будет рассказать, какими они были. Ведь до последнего времени действовала подписка «о неразглашении».

Содержание

Каирские университеты	5
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Невидимая грань пирамид

Александр Павлюков

*«Учиться, учиться, и еще раз учиться!» –
В. И. Ленин, цитируется по памяти
«Военный переводчик должен быть чисто
выбрит, в меру нахален и слегка пьян» —
профессиональный фольклор*

© Александр Павлюков, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Каирские университеты

– Хавага! – показывая на меня грязным пальцем, во всю глотку вопил семи-восьмилетний мальчишка, сидевший на самом верху груженной сахарным тростником повозки. Он вскочил на ноги, держа в другой руке поводья ушастого ослика и снова с восторгом и удивлением прокричал, словно боевой клич: «Хавага!». Окружающая толпа египтян – крестьян, ремесленников, хозяек с корзинками, мужчины в белых и синих длинных рубахах-галабиях, женщины преимущественно в черном уставились на меня, не понимая в чем дело. Иностранец для них здесь, в Старом городе, среди ювелирных и антикварных лавок вовсе не был в диковинку.

– Сам ты «хавага», – на незатейливом «каляме», далеко от литературного арабского, зато громко и отчетливо произнес я. Мальчишка словно взялся здесь из далекой Московии семнадцатого века, и реагировал навроде сопливого Алексаши Меншикова, дивящегося на чудеса Немецкой слободы. Тот, наверное, точно также не смог бы удержаться, увидев вблизи какого-нибудь Лефорта – «Гляди, немец!».

Толпа, высоко оценив чувство юмора находчивого хаваги-чужеземца, дружно загоготала.

Сценка эта из далекого (полвека без малого минуло, шутка ли!) прошлого всплыла в памяти в осеннем вагоне подмосковной электрички, везущей в столицу утомленных по-

сле двухдневной фазендной страды горожан с разноцветными охалками астр и пахучими неподъемными рюкзаками и корзинками антоновских яблок. Может быть, виной всему был вагонный бард, исполнивший под электрогитару трогательную песню о том, что напрасно кавалер ждет любимую, а теперь по особому заказу поющий нехитрую балладу о спасшем молодого солдата отце-командире. Вот и возник под стук колес перед глазами Египет, Каир, Старый город с его кривыми, терпко пахущими узкими улочками, деревенский мальчишка. В каком же году это было? Наверное, году в шестьдесят девятом. Может быть и так, к этому времени я уж точно не первый месяц чувствовал себя в каирской толпе как рыба в воде.

Москва с ее суровыми идеологически выдержанными седыми и без кровинки, словно стертymi временем, лицами дядями в отделе ЦК КПСС на Старой площади, ведавшими выездами и сурово предупреждавшими (под собственноручную расписку!) о том, чего категорически нельзя позволять себе за границей, например, ходить по-одному или угощаться у иностранцев папирсой (будто кто-то за бугром курит папирсы!), была далеко. И все ее замшелые самостраховочные (в случае чего, ведь предупреждали!?) премудростигодились разве что на растопку, во всяком случае подписывался я под бумажкой в мирное время, а здесь, в эту самую минуту в восьмидесяти километрах от шумной улицы Старого города, вполне возможно, кто-то из моих друзей в зоне Суэц-

кого канала вел артиллерийскую дуэль или ждал появления над головой самолета со звездой Давида на хвосте и полной боевой нагрузкой.

Ну да ладно, взялся писать о молодости, – ужасно не хочется употреблять слово «мемуары», – следует, по крайней мере, как-то определиться с целью этого занятия. К тому же, если кто-то моложе, скажем, тридцати найдет время вчитаться в нижеследующее, автору нужно помнить, что в отличие от пишущего его читатель вырос в совсем другой стране и ничего не знает о том, что эти мамонты-дедушки в его годы делали там, в далеком Египте, разве что резонно предположит – грели пузо на пляжах Хургады или занимались дайвингом. Опасно, правда, иногда к пляжам подплывают акулы и лакомятся дайверами. Да, на фюзеляжах самолетов – «Фантомов» и «Скайхоков» со звездой Давида на хвостовом оперении их летуны очень любили рисовать зубастые акулы пасти. О чем это я? Что еще за «Фантомы»? Какая-токая операция «Кавказ»? Сорок с лишним лет молчали, а теперь, когда нет той армии и той страны вдруг вспомнили. Зачем?

Так ведь молодость там осталась. И еще люди наши там погибли. Русские. Тогда, правда, советские. Но это не важно. Они отдали жизнь за свою страну. Ну а за то, что потом стало с этой страной, они не отвечают.

Правду сказать, про операцию «Кавказ», с ее многотысячными людскими масштабами, я узнал не так уж давно. Да и было бы странно, если бы рядового в окопе посвящал

в планы стратегической операции главнокомандующий. Так не делается нигде и никогда. А уж с советской манерой секретить все подряд тем более.

Генштабисты из знаменитой «десятки» и сами до поры знать не знали и знать не могли ни о какой операции «Кавказ». И даже замысла ее еще не существовало. Потому как я дал им согласие на работу военным переводчиком в Египте за несколько месяцев до шестидневной войны 1967 года. А она-то и явилась толчком к операции «Кавказ».

Впрочем, про операцию «Кавказ» подробно написано, например, на сайте «Хубара-Рус» и повторяться не стоит. Тем более, что из окопа видно совсем недалеко. Тогда о чем же, спросит молодой читатель, вы пишете? Зачем время-то попусту тратить? Лучше вон огурцы под пленкой выращивать, все толку будет больше.

Тут уж позвольте мне высказаться зачем, а решать – читать дальше или нет, ваше дело.

Прежде всего, позвольте заметить, что операцию «Кавказ» осуществляли люди – десятки тысяч людей – рядовые, офицеры и генералы, служащие вроде меня; в возрасте и совсем молодые, городские и деревенские, одетые в одинаковую полевую египетскую форму светлопесочного цвета без знаков различия. Пожалуй, этих очень разных людей объединяли две вещи – они были гражданами СССР и работали на одну задачу. Потом эту операцию будут изучать в военных академиях. Еще бы, ПВО победила ВВС и заставила против-

ника пойти на официальное перемирие. Насколько я понимаю, наши стратеги и тактики пошли на такой ход не от хорошей жизни, отечественные ВВС были серьезно ослаблены хрущевским «волюнтаризмом». Но и так получилось неплохо, хотя бы потому, что ракеты стоят много дешевле самолетов, не говоря уже о сбитых классных летчиках. Но довольно, дальше извольте читать материалы на вышеупомянутом сайте.

Есть такое расхожее понятие – «свидетели эпохи». Сейчас, во второе десятилетие двадцать первого века ту эпоху, в которую мне и моим сверстникам довелось жить, по много раз на дню поминают по всем каналам телевидения. Неважно, официозным или не очень. Не дают покоя людям годы, пришедшиеся на пик могущества Советского Союза, годы, когда в мире противостояли друг другу, иногда на грани реального уничтожения всего живого на планете, две сверхдержавы – СССР и США.

А я в это время жил именно что в СССР – учился на Экономическом факультете МГУ, зарабатывал опыт журналистской работы на радиостанции «Мир и прогресс» (Иновещание, если кто понимает, мэтр Владимир Познер тогда ходил в переводчиках, до эфира его, сына эмигранта еще не допускали, выдерживали в собственном соку), ухаживал за девушками, пил пиво и слушал Высоцкого. Много читал, после смерти вождя всех народов щедро издавали западную классику, масса творческой молодежи спилась, обчитавшись Хе-

мингуэем и Ремарком. Да-да, Хемингуэй был богом!

Так вот, нижеследующие строки я и рассматриваю именно как свидетельство эпохи, более того, посвящены они будут не тому, как мы славно воевали в Египте (об этом можно прочесть у других авторов, Ваш покорный слуга тоже сподобился написать небольшую повесть «Эти дни»), а тому, как и чем командировка в Египет запомнилась и повлияла на меня, советикус без всякого сомнения гомо двадцати с небольшими лет, с неплохим образованием, знанием английского языка и весьма тогда еще скромным жизненным опытом. Достаточно прочесть книги, скажем, Лотмана, чтобы убедиться – никогда бы не удалось ему воссоздать облик, образ жизни и мышления людей давно ушедших столетий, если бы не мемуары, письма, купчие и прочие индивидуальные свидетельства времени. Да что там, новгородские берестяные грамоты зачастую читаются словно эсэмэски наших современников! Уверен, если мы сами себя не уничтожим, какой-нибудь будущий очкарик-ботаник-историк заинтересуется эпохой позднего СССР и в числе прочего одним из ярких ее эпизодов, той самой операцией «Кавказ». Вот тут-то и пригодится мой скромный труд. А что? Рукописи ведь не горят, доказано, в том числе и на собственном опыте.

И потом. Известно, что лучший способ погубить дело, это доверить его так называемым профессионалам. Лучше уж я как-нибудь сам, пусть и корявенько постараюсь донести до читателя, каким я был полвека назад и что мне дала ко-

мандировка в Египет, чем за меня это сделает какой-нибудь бывший начальник политотдела (историю о человеке этой нелегкой профессии см. ниже) или как они теперь называются. Или еще хуже того – современный верхогляд-журналист, ищущий быстрых и недорогих сенсаций. Из множества таких непосредственных и незамысловатых рассказов, уверен, обязательно сложится, если потребуется, вполне внятный образ поколения, волей судьбы воевавшего за тысячи километров от родной земли. Тут я, конечно, имею в виду не только Египет, но и Алжир, Ирак, Сирию, Вьетнам, Кубу, Анголу и иные уголки планеты, где наш брат выполнял в эти годы, как тогда говорилось, интернациональный долг. Афган, как известно, случился позже и по масштабу своему стоит особняком.

Получается, что к пяти существовавшим в то время каирским университетам прибавляется еще один, но для меня исключительно важный и полезный, мой личный опыт трех с лишком лет, как выражались в Советском Союзе, загранкомандировки в страну пребывания под названием Египет, оказавшейся весьма специфической, но и познавательной во всех отношениях. Деваться было некуда, пришлось его заканчивать, причем с неизбежной сдачей совсем даже непростых экзаменов.

Конечно, без лирических отступлений разного рода и необходимых современному читателю пояснений не обойтись. Это, полагаю, простительно, что поделаться, любят люди

преклонного возраста подробности, ходовое ныне выражение «короче!» не было в нашем словесном обиходе так популярно. Да и сравнения с временем нынешним волей-неволей напрашиваются.

И еще одно. Я намеренно пишу от первого лица и дальше собираюсь говорить только от себя и о себе. Терпеть не могу и никогда не мог этой внедренной со времен пионерских галстуков и комсомольских значков манеры говорить от имени и по поручению. Лично я никому ничего не поручал, поэтому сам и отвечаю за сказанное и написанное.

Итак, чем была в июне 1967 года шестидневная война между государством Израиль, с одной стороны и Объединенной Арабской республикой (Египет и Сирия) и Хашимитским королевством Иордания, с другой? И сокрушительное поражение арабов в шестидневной войне? Кроме всего прочего, звонкой пощечиной Советскому Союзу, стоявшему за спиной арабских государств, поставившему им массу оружия и державшему там своих военных специалистов. Пощечиной, конечно же, от вероятного противника, Соединенных Штатов, в свою очередь поддерживавших Израиль. Только и оставалось, что хлопнуть дверью и разорвать дипломатические отношения с еврейским государством.

Откровенно говоря, я тогда об этом особо не задумывался. Конечно, на радио я по долгу службы читал ленты основных мировых информагентств и был, что называется, в курсе дела. Но отказаться из-за войны от командировки было уже

практически невозможно. Как объяснил мне в откровенной беседе симпатичный генерал в известной в те годы всем военным переводчикам «десятке» – десятом Главном управлении Генштаба – это могло сильно подпортить мою биографию. Любой советский кадровик, оформляя в будущем мои документы для поездки за границу, обязательно бы задал себе вопрос, почему это, имея уже в кармане красную заграничную паспортину и даже билет на самолет, человек остался на Родине и не выехал в длительную заграничную командировку. А может быть, оставили? Лучше с таким типом не связываться, вокруг уйма желающих поработать за рубежом. Так и получилось, что дали мне отсрочку по семейным обстоятельствам и оказался я в Египте в сентябре 1967 года, через три с небольшим месяца после войны.

В Советском Союзе, если кто не знает, официально декларировалось существование двух классов – рабочего класса (гегемона) и колхозного крестьянства. Ну и где-то между ними прослойка интеллигенции. А так, естественно, по учебнику все равны, все граждане. На самом деле советские люди, или гомо советикус, незримо делились на множество видов и подвидов, разительно несхожих друг с другом. Вот, например, наиболее известный и научно описанный – номенклатура. И еще один, слегка подзабытый подвид – выездные. Это те, кто постоянно ездил по делам за границу – дипломаты, внешторговцы, часть гэбэшников, ученых и журналистов. В просторечии они так и назывались – международни-

ки. Сочетание в одном индивидууме мужского пола выездного и номенклатуры – идеал самого-самого завидного жения для амбициозных красоток.

Так вот, отказ от командировки в воюющий Египет грозил мне тем, что я мог запросто стать «невыездным», получить прямо на лоб невидимое клеймо. Только в советские времена клеймо не вытравливали краской и не рвали ноздри, а заносили соответствующие указания в твое личное дело, по-нынешнему в досье. С другой стороны, первая командировка даже в скромном качестве военного переводчика – серьезный шаг в карьере международного человека...

Гомо советикус, в просторечии «совок»... Теперь это расхожее определение. Я его, кстати, не люблю и стараюсь не употреблять. Ладно, а что за ним? Это очень важно понять, поверьте. В свете не только прошлого, но и будущего. Вот и государство российское объявило себя правопреемником не Московского царства и не Российской империи, а именно СССР. Как ни крути, все так называемые россияне родом из Советского Союза. Ну да, руки-ноги, разные жизненно важные органы как у всех людей. Но и нечто неуловимое мгновенно говорит глазу – не то. Миллионы наших соотечественников, выезжая по разным причинам за бугор, безошибочно и за версту определяют в гражданине за соседним столиком и даже в полуголом человеке на пляже – русский. Так в чем же тут дело?

Вряд ли мне под силу дать полное и емкое определение.

Отлить, что называется в бронзе. Но некоторые черты, важные и для последующего изложения, следует привести обязательно.

Ну вот, например, привычка к полному отсутствию или строгой ограниченности выбора. От выборов неизвестных тебе дядек и теток в депутаты до покупки рубашки в магазине. Хочешь в полоску, а «дают» в горошек – бери и отваливай. Следующий!

И все же многолетнее, пусть даже весьма примитивное промывание мозгов свое дело делало. Отсюда твердая и во многом, по гамбургскому счету, небезосновательная уверенность, что мы здесь, в Советском Союзе живем счастливее большинства населения земного шара. Если не считать отдельных недостатков.

Недалеко отсюда лежат и корни очень странного, искривленного что-ли, чувства собственного достоинства, чувства сугубо индивидуального, а в коллективе превращающегося в национальную спесь – вот мы, дескать, какие, нас не замай! По отдельности же кролики, что там говорить, и пока это самое чувство собственного достоинства не выработается в каждом гражданине, толку не будет...

На мой взгляд, коммунисты погорели вместе с СССР именно потому, что перешли от тупого большевизма с массовыми расстрелами и лагерями к некоему вегетарианскому гуманизму с просвещением, убеждением и воспитанием. Что тоже объяснимо – как ни крути, им позарез требова-

лись грамотные, как сейчас говорят, креативные инженеры, преподаватели, врачи и прочая, в том числе рабочая интеллигенция, способная освоить станок с числовым программным управлением и изменить для него программу, чтобы сделать межконтинентальную ракету. А на антигуманной основе, в лагерях и шарашках такого народа не создашь и отдачи от него в массовом порядке не получишь. Видать, даже до них доходили слова о производительности и научной организации труда. К тому же после войны престиж СССР вознесся до небес, наладились отношения с десятками стран, воленс-ноленс следовало выглядеть поприличнее и не жрать друг друга поедом и не стрелять в затылок в вонючих подвалах, а культурненько отправлять заблудших коллег на персональную пенсию. Вот и сменили кремлевские полубоги застегнутый до подбородка китель на костюм с рубашкой и галстуком, да быстренько, всего за три десятка лет после смерти усатого воспитали-обучили собственного могильщика. Ну а теперь все то ценное и полезное, что успели создать за послевоенные десятилетия, старательно дожевывает новая нахрапистая номенклатурная буржуазия. Ладно, не будем, пишется-то о прошлом...

Хотя нет, еще два слова. На мой взгляд, наша так называемая элита – творческая интеллигенция, преподаватели, конструкторы, словом, верхушка образованного класса трижды после семнадцатого года заставляла прогибаться власти предрержащие. Первый раз после НЭПа, когда выбили для се-

бя сносные условия жизни, оклады, гонорары, кооперативные квартиры и почетные звания. Второй раз – после войны и смерти вождя всех народов власти убрали опасность массовых репрессий и стали дозированно выпускать за рубеж. Ну а в перестройку следующий этап – свободный выезд, несколько паспортов и возможность легально работать за твердую валюту.

Из-за бугра упорно занимались такой же тупой пропагандой. Изо дня в день – «бу-бу-бу...». То, что можно было услышать по хрипящему от глушилок «Голосу Америки», как ни крути и было тоже чистой воды промывкой мозгов, все одно и то же, только вид сбоку. Это я хорошо понял, работая на пятом курсе на радио, занимаясь, в общем-то, тем же самым. Информация содержалась на лентах информационных агентств, все остальное – комментарии. Уезжая в Египет, я это уже знал.

Другое дело, что общество потребления, как ни крути, вещь весьма привлекательная. И для пропаганды она как полезная. При этом факт, что никто не собирается уравнивать в правах на потребление средних сенегальца и русского со средними американцем и французом не выпячивается и выясняется не сразу, а погодя, после того, как доверчивые туземцы, очарованные электронными девайсами и парижскими магазинными полками, похоронят вместе с коммунизмом и свой собственный образ жизни вкупе с его недостатками и достижениями, а заодно и страну.

Информация – это все же очень важно. Прежде всего – это возможность слышать или читать первоисточник, а уж выводы делать самому. Вот почему, помнится, самое ошеломляющее впечатление из всего, слышанного по «Голосу» в Москве по трофейному еще «Сименсу», на меня произвела знаменитая теперь берлинская речь Джона Кеннеди. Так сказать, апрельские тезисы 1963 года. Я не все тогда разобрал, глушили, надо сказать, старательно, но главное понял – мы их достали, эти ребята теперь не успокоятся, пока нас не угробят. Так оно и вышло. И Египет с операцией «Кавказ» здесь только одно, пусть и заметное, звено в цепи событий длинной холодной (а для некоторых и весьма горячей!) войны. Возможно правы те, кто считает ее эпизоды растянутой по времени третьей мировой...

Удивительная штука судьба! Взяла и занесла меня в Восточный Берлин как раз в дни, когда начали крушить пресловутую стену. Иногда и сейчас достаю шершавый бетонный осколок с вкраплениями краски от граффити и сразу вспоминаются толпы возбужденных людей у Бранденбургских ворот, яркие прожекторы у Чек-Пойнт Чарли.

Кстати, о речах. С невольным комком в горле в Лондоне я смотрел и слушал прямую трансляцию прощального выступления Маргарет Тэтчер. Любили и умели говорить Фидель Кастро и Гамаль Абдель Насер, оба могли держать речь по несколько часов. По-арабски и по-испански я не понимаю, могу только засвидетельствовать, что слушали египтя-

не своего раиса – Президента внимательно, Еипет был тогда страной транзисторов, еще не телевизоров, и словом Гамаль, видимо пользоваться умел. Но это уже из другой оперы. Вернемся к нам, тогдашним. Я, как и говорил, буду стараться пользоваться где можно определением «гомо советикус».

В следующем убеждении совгражданина уже больше реальности. Как ни крути, каждый отдельный советский человек, и я в том числе, состоял подданным второй по военной мощи сверхдержавы, первой страны в мире по размерам территории, добывавшей огромное количество нефти, газа, угля, выплавлявшей чугуны и сталь в невероятных количествах, первой вышедшей в космос и способной производить ракеты как сосиски, по меткому выражению Никиты Сергеевича Хрущева. Пусть нас кое-кто и не уважал, но боялись-то все, и не без оснований. Шутка ли, сами Соединенные Штаты пошли на уступки в итоге Карибского кризиса – оставили в покое Кубу и убрали ракеты из Турции. И их это заставила сделать моя страна – СССР. Есть повод для некоторой гордости и даже спеси – а как же! Грудь невольно выгибалась упругим велосипедным колесом.

Так что случившееся на Синае в июне 1967 года можно было не без оснований рассматривать как досадный эпизод, занозу в заднице. Подкинем арабам танков, пушек, самолетов, подучим и вперед! Сравнительно свежему Генсеку «бровеносцу» Леониду Брежневу необходимо укрепляться на престоле, а для этого нужны громкие победы, за ценой же,

как известно, мы не стоим.

Именно над тем, как этого практически добиться и ломали головы в Москве люди в погонах с большими звездами. А Ваш покорный слуга в это время представлялся в Каире своему непосредственному начальству – Главному военному специалисту генералу, если память не изменяет, Антипову. Происходила эта сцена в кабинете просторной съемной квартиры в престижном районе Каира – Замалеке, превращенной в офис с канцелярскими столами и пишущими машинками.

Склонный к полноте генерал, разглядывая представлявшихся ему переводчиков, накануне прилетевших из Москвы, непрерывно лузгал подсолнухи, возможно доставленные тем же рейсом и оценив гвардейский рост молодых людей, одобрительно хмыкнул. Дальше генерал стал распространяться о том, что подчиненные ему офицеры почему-то употребляют в свободное от службы время и по уважительным поводам исключительно дешевый местный спирт и при этом практически не закусывают и, бывает, вследствие этого блюют на головы генералам. Нам не стоит уподобляться этим офицерам. Нужно употреблять, – продолжал убеждать нас, стоявших в штатском руки по швам, генерал, – исключительно благородные напитки, виски там или джин, на худой конец бренди. И хорошо питаться, не жалея и не экономя получаемую иностранную валюту. Позже я понял, что оптимизм генерала в отношении надлежащего поведения молодого по-

коления военнослужащих проистекал из того факта, что сам-то он отоваривался в посольской или торгпредской лавке, где супостатские напитки (отменного, заметим, качества!) стоили раза в три-четыре дешевле, чем в городе. Не говоря уже о существенной разнице в нашем с ним денежном довольствии (не будем о грустном!).

Согласитесь, между строгими наставлениями суровых московских идеологов со Старой площади и духоподъемными речами каирского генерала-начальника существовало непреодолимое противоречие. Причем противоречие из такого ряда, которые, как учила гомо советикус марксистская наука, разрешаются исключительно революционным путем.

Так оно и произошло. Мудрая жизнь расставила-таки все по местам. В тот же день я совершенно случайно купил на развале за гроши замечательную книжку под названием «Хрущев и призрак Сталина», а вечером мы с университетским приятелем «разлагались» с моего аванса на веранде дорогого ресторана на площади Оперы, лакомясь печеными на углях королевскими креветками и освежаясь прохладным пивом «Стелла Артуа».

Разглядывая в тот памятный вечер пеструю каирскую толпу, я еще, конечно, не предполагал, какие серьезные открытия меня поджидают. Гомо советикус ведь поразительно мало знали о том, как живут люди в странах за железным занавесом, неважно в Британии ли, в Бразилии, или в Египте. Конечно, в школе и Университете нам вложили в голову уй-

му самых различных сведений – экономическую географию и политическую карту мира мы выучили назубок. Но это знания глобальные, они не помогут, скажем, купить любимой девушке нужную губную помаду в парижской «Галери Лафайет» или быстро сообразить, что завтра наступает сезон скидок и сегодня лучше поберечь силы и на лондонскую Оксфорд-стрит не ходить, а провести время в Британском музее.

В былинные времена моей юности на каждого вернувшегося из длительной или короткой, неважно, заграничной поездки гомо советикуса сбегались посмотреть, как много веков назад, наверное, тверичане на Афанасия Никитина. Рассказам не было конца и слушали, поверьте, раскрыв рты. Никого не интересовала политика, требовали и получали подробный отчет о том, чем живут люди, что и за сколько продают в магазинах, на чем ездят и, наконец, сколько зарабатывают и что на эти деньги можно купить. Разглядывали и тестировали на ощупь заграничные шмотки, словно трофеи из Германии весной 45-го. Наши однокашники курсом старше как раз во время госэкзаменов вернулись из годовой командировки на Кубу и порассказали нам немало интересного и поучительного.

Конечно, Египет и Куба – две большие разницы. Да и никакой, даже самый красочный рассказ не заменит собственного опыта.

Ступив на горячий бетон каирского аэропорта, я ничем не отличался от подавляющего большинства своих сограж-

дан. В каком-то смысле я был абсолютно невинен, как младенец и сидя в ресторане с восторгом и удивлением наблюдал за своим товарищем, уже научившимся лихо и без запинки заказывать еду и напитки.

Я, кажется, упомянул, что являюсь страстным книголюбом. Матушка, много лет работавшая заведующей библиотекой одного из московских техникумов, с младых ногтей разрешала мне клеить кармашки для формуляров и я, видимо, навсегда пропитался неизлечимой отравой – книжной пылью. К тому же мама каждый день приносила с работы кипу газет, книжные и журнальные новинки и, между прочим, среди них (внимание!) журнал «Америка», наполненный, естественно, супостатской пропагандой. Вот так я и возрастал в идеологической мешанине из суровых советских реалий (многочасовые зимние очереди за мукой и яйцами, номера мелом на спине, пионерское «Будь готов!» – «Всегда готов!»), окружающей коммунистической идеологии (чего стоит только неоновый лозунг на крыше одного из домов на Садовом кольце – «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно!») – вот это воистину просто просится в бронзу – и глянцевого журнала «Америка», повествующего о том, как мой заокеанский сверстник накопил на свою первую машину (подержанную), подстригая лужайку у дома и регулярно получая оплату за труд с родителей. Я попробовал было качать права после мытья полов в квартире, но где взять деньги зав. библиотекой с зарплатой в 60 тогдашних рублей и где взять

ту машину?

Несомненно, таких разнонаправленных пропагандистских толчков было маловато, чтобы сформировать не то что мировоззрение, а хотя бы сколько-нибудь полноценную человеческую позицию. Признаться, и знакомство с классиками марксизма-ленинизма мало чем мне помогло, Владимир Ильич, судя по его публицистике, представлял малоприятным грубияном, а сквозь дебри «Капитала» мог прорваться лишь человек, обладающий специальной подготовкой. Вспоминаю, как рубились на факультете фанатики, споря до хрипоты, является ли при социализме рабочая сила товаром. Одного нашего вполне симпатичного однокурсника углубленное изучение первоисточников довело до желтого дома, откуда он вернулся на удивление тихим и бесстрастным.

Мне приходилось читать в мемуарах людей постарше, что их, дескать, отвратила от советской действительности раскрепощенная атмосфера безумных дней Фестиваля молодежи, прошедшего, как известно, в 1957 году. Я его хорошо помню, тринадцать лет – это возраст неосознанных мечтаний о подвигах и судьбоносных встречах, но что-то меня всегда удерживало от несанкционированных и не предполагающих прямую выгоду контактов с иностранцами. Столкновение с другим миром, нет, планетой, произошло позднее – в 1959 году на американской выставке, где можно было на халву заполнить пузо пепси-колой, потрогать настоящие американские автомобили, получить тепленькие из-под пресса

пластиковые блюдечки для мороженого, запастись массой глянцевого печатной продукции. Все это – стаканчики из под пепси, блюдечки и каталоги авто 1959 года выпуска много лет потом хранились как священные реликвии.

Еще и поэтому командировка в Египет была рывком – пусть не в настоящую западную границу, но все-таки в страну, где холодная кока-кола продавалась на каждом углу и можно было спокойно зайти в магазин и отовариться джинсами фирмы «Рэнглер», хочешь синими, а хочешь – голубыми. Про изобилие продуктов, ресторанов и ночных клубов, возможно, поговорим позднее. Даже сейчас, сорок лет спустя, в уже заполненной импортными товарами и разнообразным общепитом Москве, слюнки текут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.